

Василий Жарков

(Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ)

*«В России действительно разрушено традиционное общество,
но модернизации так и не произошло».*

Существует ли в сегодняшней России консервативный политический курс, и если существует, то как его можно описать? Этот вопрос я подспудно держал в голове, отвечая на проблемный гайд, присланный семинару «Проект создания «Консервативного» человека для современной России: социальные реалии и перспективы». В качестве источника для начала мною был взят на шумевший в последнее время документ – Материалы и предложения к проекту программы «Основы государственной культурной политики», его полный текст, опубликованный газетой «Известия» 10 апреля 2014 года, можно найти здесь: <http://izvestia.ru/news/569016>

Первое, что бросается в глаза: декларирована довольно-таки определенная **методология**. В документе названы четыре автора, повлиявших на его идеологию: Тойнби, Хантингтон, Данилевский и Гумилёв (фамилии мыслителей в документе указаны без инициалов, но нетрудно догадаться, что речь идет о Николае Данилевском и Льве Гумилеве). Вне списка почему-то остался, пожалуй, самый важный автор из указанной когорты – Освальд Шпенглер, которого, вероятно, в спешке позабыли упомянуть. Здесь же декларируется приверженность «цивилизационному принципу», согласно которому «Россия должна рассматриваться как уникальная и самобытная цивилизация, не сводимая ни к «Западу» («Европе»), ни к «Востоку». Краткой формулировкой данной позиции является тезис: «Россия не Европа», — подтверждаемый всей историей страны и народа, а также многочисленными культурно-цивилизационными различиями между представителями русской (российской) культуры и иных общностей».

Перед нами торжество заимствованных с Запада маргинальных примордиалистских концепций, воспроизводимых доморощенными «самодумами» - апологетами самобытности на основании исторической, а

зачастую и биологической предопределенности. Именно примордиализм и историцизм окончательно заместили в сегодняшней России советский марксизм-ленинизм, сделав нашу страну еще большей интеллектуальной провинцией, чем даже во времена СССР. При этом большинство действительно релевантных подходов, актуальных сегодня для общественных наук не только в Европе и Америке, но и в таких странах, как Индия и Китай, остаются полностью не востребованными. По всей видимости, авторам «нового курса» они неизвестны.

Немаловажными с точки зрения понимания «нового курса» представляются несколько оснований, на которых он строится:

Во-первых, **«единство» определяется как основной фактор силы**, на котором держатся государство и политическая система. Подчеркну, что речь идет не об интегрированности, а именно о единстве, понимаемом, скорее, как гомогенное устройство. При этом социологи говорят нам, что российское общество сегодня скорее дезинтегрировано, а «монолитное единство» демонстрируемое шокирующими цифрами «всенародной поддержки» первых лиц государства и проводимой ими политики скорее есть свидетельство массового конформизма и безразличия, нежели того пространства ликования, которое было характерно для тоталитарных режимов прошлого столетия. Не говоря уже о том, что полностью игнорируется подход, согласно которому фактором силы является не пресловутое единство, а плюралистический характер системы, способной интегрировать самые разные культурные и политические течения, включая даже весьма агрессивные и разрушительные. Так, собственно, политическим системам развитых демократических стран, как правило, удается, агрегировать внутри себя различные радикальные группировки, в то время, как в гомогенном обществе, будь то коммунистический Советский Союз или диктаторские режимы на Ближнем Востоке, любое нонконформистское движение может оказаться фатальным фактором разрушения системы. Следовательно, именно плюралистическое общество скорее может оказаться сильнее гомогенного, а не наоборот. Сей факт, очевидный для развитого мира, к сожалению, по-прежнему игнорируется в России.

Во-вторых, **демократия понимается исключительно как воля большинства**. Мы прекрасно помним, однако, что политическая теория,

начиная с Аристотеля, критиковала подобное понимание демократии, поскольку большинство может выступать коллективным деспотом по отношению к тем, кто с ним не согласен. Будучи легко манипулируемой, воля большинства легко прокладывает дорогу к олигархии и тирании (что, кстати, мы и наблюдаем на опыте российского транзита последней четверти века). С эпохи Просвещения, когда, собственно, и зародилась современная демократия, она понимается не просто как правление большинства, но как результат общественного договора, предполагающего наличие нескольких не менее важных принципов, таких как верховенство закона, равенство граждан перед ним, разделение властей и их периодическая сменяемость, уважение к мнению и правам меньшинства, свобода слова и собраний, а также наличие особых процедур артикуляции и агрегации политического курса в рамках политической системы. Цель демократии, таким образом, не просто достижение большинства и правление его именем, но выработка и реализация сбалансированных решений, устраивающих максимальное число заинтересованных сторон.

В-третьих, **ценности, там, где они описываются, описываются исключительно в терминах корысти.** Поддерживать культуру значит «инвестировать». При всей антизападной и, казалось бы, антилиберальной риторике, когда речь заходит об описании механизмов реализации курса, авторы переходят на язык экономического либерализма: «Доминантой современной культурной политики должен стать переход от «государства-мецената» к «государству-инвестору», обеспечивающему формирование эффективной культурной среды и рост человеческого капитала с помощью адекватных бюджетных механизмов». Инвестиции – понятие, сугубо рыночное, предполагающее не просто вложения, но и получение прибыли. Не приведет ли переход государства в позицию «инвестора» к еще большей коммерциализации сферы культуры под прикрытием консервативной риторики? Стоит ли говорить, что сама по себе поддержка культуры рассматривается в первую очередь как выделение денег и повышение зарплат.

Вместе с тем **отсутствует какая-либо четкая артикуляция того, что же, собственно, понимается под традиционными ценностями.** Человек, приезжающий в сегодняшнюю Россию, или живущий в ней, в отличие,

скажем, от Ирана или какой-либо другой страны или общности, где сильны консервативные ценности, не может получить четкого описания того, чему он должен следовать, а чему не должен. Все декларируемые якобы исключительно российские ценности на самом деле присущи всему современному миру. Например, осуждение педофилии характерно для большинства стран мира, и совершенно не понятно, что в этом уникально российского? Что же касается однополрой любви, то рационально устроенные политические системы скорее признают факт ее существования и мирятся с ней как с частью человеческой природы, нежели поддерживают ее или тем более пропагандируют. Одновременно устойчивая плюралистическая система интегрирует одну из маргинальных групп, обеспечивая ее лояльность и включенность. Собственно, и в России при всей истеричной гомофобской риторике последних лет полного возврата к запретительным и карательным практикам советского уголовного кодекса не произошло. При этом в ряде случаев наблюдается не столько влияние консерватизма, сколько банальное невежество: например, в рассматриваемых «Материалах» кровная месть отнесена к числу «норм шариатской культуры». Хочется верить, что к моменту окончательного утверждения концепции ее разработчики разъяснят для себя разницу между Шариатом и Адатом.

Что игнорируется полностью, так это известное со времен Моисея понимание традиционных ценностей как результата договора, предполагающего наличие закона и связанного с ним ритуала (процедур). Ни то, ни другое, ни третье в современной России не артикулировано и не отрефлексировано. Скорее, напротив, Россия воспринимается как зона, свободная от всех трех моментов, равно как и вообще какой-либо четкой, письменной или хотя бы устно зафиксированной традиции и связанного с ней социального контроля. Даром, что многие поборники современного российского образа жизни часто сетуют, что в Европе и Америке много непонятных им жестких правил, за соблюдением которых следит не только государство, но и само общество, каждый гражданин. Слово «ценности», таким образом, произносится много раз, но нужно согласиться – это многословие лишь прикрывает **ценностный нигилизм**, реально господствующий, как среди населения, так и в правящих верхах.

Характерно, что, наверное, в абсолютном большинстве публикаций о модернизации, выходящих на русском языке, переход к современному обществу, к модерну понимается в первую очередь как разрушение традиционного общества, а не как переход к более сложной структуре, обусловленной усложнением набора функций в условиях экономического и социального роста эпохи Нового времени. Можно предположить, что в данном случае мы столкнулись с последствием весьма печального факта – **в России действительно разрушено традиционное общество, но модернизации так и не произошло.** Советская структура модерна оказалась неустойчивой и недолговечной, после ее крушения вопреки ожиданиям реформаторски настроенной части общества произошла не модернизация, а архаизация. Пользуясь известным подходом Габриэля Алмонда, можно сказать, что вопреки собственным надеждам, выйдя в результате Перестройки из авторитарно-индустриального типа политической культуры, мы совершили переход не к индустриально-демократическому типу, а к скорее к тому, который присущ авторитарным режимам Третьего мира. В результате сегодняшняя Россия гораздо ближе к Египту и Зимбабве, нежели к США и Германии.

Так существует ли консервативный курс в сегодняшней России или нет? Было бы большим комплиментом назвать консерватизмом некий набор бессмысленных фраз и заклинаний – нечто, на самом деле лежащее вне какой-либо традиции и построенное на полном торжестве релятивизма. Не люблю и стараюсь не использовать слово «постмодернизм» – слишком многое оттеняет его звенящая пустота. Налицо, однако, чисто политтехнологическая попытка привязать существующий порядок к воображаемому прошлому, обосновав таким образом его «вечность» перед пугающей перспективой перемен. Им противопоставляется **сознательно поднимаемая волна архаизации.** И перспектива окончательного падения России в «новое средневековье», увы, не иллюзорна. Однако глобальный характер перемен, происходящих в современном мире оставляет надежду на более благоприятный исход для нашей страны.